

К.Шевчук

студентка IV курса философского факультета,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38097-014-32-42; email: fln29092012

В статье анализируется соотношение взглядов постмодернизма и модернизма на категорию субъекта. Постмодерновский взгляд на субъекта можно назвать негативистским, так как подвергается сомнению субъектная автономность – субъект зависит от оков цивилизации, от власти бессознательного, вследствие чего теряет свою идентичность и способность к активному и творческому преобразованию мира. Представители модернистского подхода, наоборот, утверждают творческую преобразовательную активность субъекта, а значит, и его существование как деятельного и сознающего существа. Взгляды обоих подходов на категорию субъекта во многом различны, и невозможно примирить между собой их мнения. Но где-то посередине, в пространстве между ними, рождается подлинный (аутентичный) субъект.

Ключевые слова: субъект, модернизм, постмодернизм.

У статті аналізується співвідношення поглядів постмодернізму та модернізму на категорію суб'єкта. Постмодерністський погляд на суб'єкта можна назвати негативістським, так як ставиться під сумнів суб'єктна автономність – суб'єкт залежить від оков цивілізації, від влади несвідомого, внаслідок чого втрачає свою ідентичність та здатність до активного і творчого перетворення світу. Представники модерністського підходу, навпаки, стверджують про творчу перетворювальну активність суб'єкта, а значить, і його існування як діяльної та усвідомлюючої істоти. Погляди обох підходів на категорію суб'єкта багато в чому різні, і неможливо примирити між собою їх думки. Але десь посередині, в просторі між ними, народжується справжній (автентичний) суб'єкт.

Ключові слова: суб'єкт, модернізм, постмодернізм.

The article analyses the correlation of the views of postmodernism and modernism on the category of subject. The postmodern view on subject can be called a negative one, because the subject loses its freedom, i.e. the subject depends on the bondage of civilization, the power of unconsciousness; as the result of this he/she loses his/her identity and ability for an active and creative transformation of the world. The representatives of the modern approach say about active and creative role of the subject which demonstrates his/her existence as an active and conscious being. The both points of view on the category of subject are different in many ways, and it is rather difficult to reconcile them. However, in the middle, in the space between them, an actual (authentic) subject comes into being.

Keywords: subject, modernism, postmodernism.

Анализ, предпринятый в настоящей статье, является логическим продолжением историко-философского рассмотрения субъекта [19]. Выбор обозначенного контекста, то есть именно постмодерновской тематики, а не какого-либо другого

философского направления, хронологически относящегося к более раннему периоду развития научной мысли, определен четким критерием. Им выступает новизна, а потому и актуальность этого философского мировоззрения, характерная для нашего времени. Постмодернизм как современное направление философии отражает многие явления нынешней культуры, а также придает проблеме субъекта важное значение и ставит ее в центральное положение [несмотря на присущую данному философскому течению установку на антицентризм и антифундаментализм].

К тому же постмодернизм является оппозиционным течением по отношению к предшествующему модернистскому мировоззрению, а если мы хотим рассмотреть категорию субъекта, необходимо обратиться к «обеим сторонам медали». Являясь философским направлением, возникшем, благодаря переходу западных стран к постиндустриальному (информационному, где главным становится производство не товаров, а знаков) обществу, постмодернизм содержательно отражает именно современные (или постсовременные) взгляды на мир и, в частности, на субъекта. Началом прихода постмодернистской культуры послужили импрессионизм, абстракционизм и сюрреализм в живописи (С.Дали), импровизация в музыке (джаз, арт-рок), эклектика в архитектуре, теория относительности и концепция бессознательного в науке, ницшеанская переоценка ценностей в философии. Именно постмодернизмом был провозглашен лозунг «открытого искусства». Кроме того, многие ученые, говоря о состоянии современной культуры, упоминают именно постмодернские традиции, благодаря которым происходит текстуализация культурного пространства, ризоматизация, децентрация и связанная с ними «перенасыщенность» культуры, нивелирование индивидуальности и субъектности, вольность в выборе ценностных ориентаций, стирание границ между формами культуры, а также настоящей реальностью и мнимой, виртуальной. Культуре постмодернизма свойственна гиперконтекстуальность как взаимопроникновение разных сфер жизни, духовно-телесный реализм как теория всеобщей действительности, а также способная изменяться идентичность. Учитывая эти особенности, в первую очередь изменчивость идентичности, становится неудивительно, почему в основе постмодернизма лежит идея «смерти субъекта». Практически все монументальные творения модерна культурой постмодерна лишаются своей монументальности, укорененности. Так, критерии научного познания, эстетические нормы и традиции искусства, объективность истины, бесконечность творческих форм, а также субъект в своей целостности, автономности и осознанности, подвергаются скепсису. Но это уже не скепсис экзистенциализма, связанный с мрачностью проблем страдания и тяжести субъективного бытия. Культура постмодерна, наоборот, уничтожая модернистские творения, делает это в ироничной, игровой и немного циничной манере, не придавая данному процессу экзистенциально-эсхатологического значения. Находясь внутри данной культурной традиции, творец осознает как отчужденность творческой деятельности от своей сущности (реципиент трактует авторский текст отличным от самого автора способом), так и отсутствие таковой сущности, место которой занимают субъектная расщепленность и фрагментированность. Занимаясь искусством, субъект из демиурга превращается в скриптора, играющего с реципиентом и ткущего свой текст из «лоскутков» других текстов и культурных традиций.

Но чем же принципиально отличается культура постмодерна от предшествующей ей культуры модерна? С.Ф. Денисов приводит основные отличия:

модерну свойственны центрированность, неравенство и иерархия ценностей, цель, нетерпимость и неравноправие, мужское начало, конструкция, созидание, определенность и оседлость, глубина, территориальность, сюжет, серьезность, зрелость, в то время как постмодерну присущи их противоположности. Это децентрированность, равенство и анархия ценностей, бесцельность, плюральность, толерантность, женское начало, деконструкция, разрушение, неопределенность, номадность, поверхность, детерриториальность, скольжение, коллаж, игривость, детскость [14: 97]. Естественно, эти отличия культур задают отличительные особенности между субъектами постмодерна и модерна.

Постмодернизм описывает действительность не как раз и навсегда данную (пусть даже находящуюся в процессе становления) реальность, а как мир, лишенный сущностей, как мир симулякров. Постмодернистские описания вместо твердого фундаментализма предполагают плюрализм, в соответствии с которым любой концепт может быть уничтожен, переосмыслен и децентрирован. Нет фундаментальных истин, само слово «истина» не оправдывает свое существование, – предполагает постмодернистский способ описания реальности. В нем кроется противоречие – «открытие» отсутствия фундаментальных истин есть истина.

Феномен «конца истории» многие исследователи относят именно к постмодерновой эпохе [12: 83]. Если раньше в мире что-то менялось человеком, человек определялся через действие, то теперь – по окончанию истории – делать стало нечего. И некому; бог мертв (Ницше), а за ним исчез и человек (постмодернизм). И в такой ситуации обесмысливания всего на смену модернистской серьезности приходит легкомыслие, игра и насмешка. Сюда же имеет смысл отнести заостренность внимания к маргиналиям общественного бытия (безумие, преступность), чему послужила озабоченность сознания, усомнившегося в прочности позиций своего бытия. По замечанию А. Колесникова, скептицизм постструктурализма, помимо многих социальных причин, был также вызван распространением массовой культуры [24: 79–106]. Отчасти с этим замечанием можно согласиться, если под массовой культурой понимать культуру, пропагандирующую плюрализм и «переоценку ценностей», чего, однако, нельзя сказать про всю массовую культуру. Мы, не создавая принципиального разделения постструктурализма и постмодернизма, обратим замечание автора к постмодернизму. Однако распространение массовой культуры – далеко не единственное явление, послужившее фундаментом для возникновения постмодернистского миропонимания. Значительное открытие постмодернизма – это осознание факта, что ни познающий субъект, ни мир не являются раз и навсегда данными, – они существуют в изменяющихся состояниях, у которых есть своя история и развитие. Субъект не изолирован от мира, как считали сторонники более ранней (ньютоновской) парадигмы, не учитывающие его влияния на предмет познания: согласно классической парадигме, познающий не влияет на познаваемое и не является его частью. Сейчас же, напротив, стала очевидной неустранимость субъективности из акта познания [6: 131–135], указывается доминирующая сегодня скрыто-субъективистская трактовка знания, которая связывает его содержание с качествами познающего субъекта [11]. Как отмечает В.Знаков, рассматривая субъекта через призму постнеклассической парадигмы, познающий субъект находится внутри изучаемого мира, а не дистанцирован от него; мир таков, каким его видит субъект [17: 18–28]. Эти тезисы говорят нам о том, что критерий

объективности, согласно которому познается мир, нарушается самим существованием познающего субъекта, наличием у него своего «Я», своих интересов и приоритетов. Если же попробовать вынести его за скобки познающего акта, то и самого познания не будет вовсе, в чем и заключается диалектичность процесса изучения действительности. Постмодернизм указывает нам на эту проблему, ставя под сомнение возможность «чистого» познания.

Субъект новой парадигмы представляет мир, исходя скорее не от самих характеристик объективной реальности в их изначальной предзаданности, а исходя из собственной «истории», от истории постоянно развивающихся мировоззрений, динамика которых, в свою очередь, меняет и характеристики мира [37: 105]. Нет четких границ между познающим субъектом и познаваемым объектом, и первый вполне может являться частью второго, а также привносится во второй свое понимание в соответствии с характерным для данной эпохи мировоззрением. Кроме того, при постулировании независимости познаваемого предмета от субъекта сам субъект не может представляться существующим – ведь он как изучаемое явление не является независимым от субъекта, то есть от самого себя [11].

В связи с неустранимостью субъективного из гносеологической ситуации, Л.И. Воробьева предлагает вообще отказаться от субъект-объектной парадигмы и заменить понятие «субъект» как идеальную точку, помещенную в реальность сознания, понятием «автор» как протяженную область в пространстве бытия-сознания («принадлежность автора укоренена не только в сознании, но и в мире») [7: 155]. Следует заметить, что Воробьева рассматривает автора скорее как экзистенциальную категорию, нежели постмодерновскую – ей придаются модусы свободы и ответственности, осмысленности, событийности, контекстуальности, личностной уникальности, в то время как субъект в своем чистом познании, представлялся стерильным, безличным. В общем, постмодернизм выражает скептическое отношение, как к процессу познания, так и к самому субъекту.

В модернистском гуманитарном дискурсе принято рассматривать субъекта в его многоконтекстуальности, в то время как в постмодернистской традиции вместе с исчезновением субъекта исчезает и вся многоконтекстуальность его проявлений. Постмодернистский индивид внесубъектен и не способен на сознательную и свободную деятельность [5: 3–15]. Так, мы можем это заметить в сфере научного познания [11], в художественном творчестве [18: 2–14], в профессиональном контексте (мы продаем корпорациям как свою рабочую силу, так и личностные качества), в сфере политической идеологии (субъект – марионетка, которой манипулируют с помощью политических технологий) [5] и т.д. Эти факты говорят о том, что субъекту отказано быть помещенным в какой-либо определенный контекст. По замечанию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, желание вытесняется потому, что оно ставит под вопрос устоявшийся общественный порядок. «Для общества жизненно важно подавлять желание, и даже найти кое-что получше подавления – сделать так, чтобы подавление, иерархия и эксплуатация сами стали желаемыми» [2: 185–186]. Желание производство, по мнению авторов, вытесняется, поскольку в противном случае оно породило бы беспорядок в общественном производстве, незакодированные потоки желания. Мы видим такое хитрое переворачивание – желание одного становится желанием совершенно противоположного. Может быть, здесь уместно вспомнить теорию Э. Фромма, согласно которой индивид по собственному желанию сбрасывает с себя цепи субъектности и убегают от свободы,

поскольку не в состоянии нести ответственность за эту свободу, за свой выбор и за свою жизнедеятельность в целом. Массы требуют фашизма, массы желают стать эксплуатируемыми. И эта эксплуатация, изначально исходившая извне, постепенно интериоризируется вовнутрь, и теперь уже становится мощной детерминантой, подрывающей субъектность изнутри. Чтобы рассмотреть этот механизм, необходимо обратиться к ортодоксальному психоанализу.

Философы постсовременности (Ж.Лакан, Р.Барт, М.Фуко) разрушают монументальность субъекта, лишают его прежней целостности, автономности и осознанности. Постмодернизм с его знаменитой концепцией «смерти субъекта» постулирует субъектную зависимость от языка, текста, общественных норм и предписаний, внутренних инстанций. Причем, перечисляя все эти факторы, детерминирующие и конституирующие субъекта, мы лишь условно поместили их в один ряд. На самом деле постмодернисты в своей большинстве для обозначения данных факторов используют наиболее обобщенное понятие «текст», которое включает в себя язык, социальные ценности и нормы, неосознаваемые интрапсихические формирования и т.д. М.С. Уваров самым значительным событием постмодерна считает превращение культуры в текст: текстом и письмом – особенно «автоматическим» – замещается онтологическая данность как культуры вообще, так и культуры телесного [36: 21–27]. Это явление именуется пантекстуализмом, который В.А. Кутырев называет высшей стадией лингвистического моделирования мира и завершающим этапом эпохи логоса [27: 66–79]. Собственно, текст – это все. Текст – синоним бытия, сущего. Текст – не только внешнее по отношению к субъекту жизненное пространство, но и его внутренние структуры, о которых мы уже говорили. Но, с другой стороны, учитывая содержательную объемность понятия «текст», это понятие аннулирует самого себя: будучи всем, оно становится ничем. Означающее со множественным означаемым, которое жадно протягивает свои руки для того, чтобы охватить все бытие в целом, объять необъятное.

С приходом «Парижа со змеями» субъект не только утрачивает свою прежнюю монументальность, а, наоборот, нивелируется как онтологическая данность. Детерминированный абсолютно всем сущим, он превращается в маленькую точку, лишенную каких-либо координатных измерений, до бесконечности уменьшающуюся в размере путем оказываемого на нее давления со всех сторон, а также и изнутри. И субъект становится лишенным опоры, лишенным самого себя, превращенным в «тело без органов», в утратившее свою субъектную целостность тело, расщепленное на отдельные части, «гуляющие сами по себе».

В общем, ни ОНО, ни Сверх-Я, ни языковые структуры не являются факторами, подавляющими субъектность. Вообще, нет никаких детерминант, формирующих субъектность или сдерживающих ее проявления. Просто нечего подавлять, так как субъектности нет; она есть как фикция, как сугубо теоретическое умопостроение, которому отказано в наличном бытии. Такой вывод появился именно благодаря трудности (или невозможности) дать точное определение субъектности, ответить на вопрос «что это такое?». И поскольку мы не знаем ее сущности, не можем четко обозначить то, что влияет на субъектность, делает ее иной по отношению к самой себе, или, наоборот, формирует ее, тем самым также лишая ее своей сущности. Вот здесь мы натываемся на диалектичность конституирования субъектности – или она есть синоним общности, противоречащей природе и естественности, или же она находит себя в природной асоциальности,

противоречащей индивидуальному развитию. В общем, субъект – это изобретение, принадлежащее той инстанции, которая его формирует. Ей – этой инстанцией – может быть кто угодно. Локусы, источники конституирования субъектности, могут быть абсолютно отдаленными друг от друга своими целями, средствами и результатами деятельности. Они подобны источникам власти, выделяемым М. Фуко – множественным и нигде не локализованным. И каждый из них, руководствуясь своими воспитательными целями, создает своего послушного субъекта.

Но конструкт «послушный субъект» едва ли готов занять статус субъекта, так как усилия, затрачиваемые на послушание, идут вразрез с теми качествами, которые присущи настоящему субъекту – осознанность, самодетерминация, целостность мировоззренческой позиции. А можно ли все эти инстанции тоже рассматривать в качестве субъектов (эквиваленты так называемых коллективных субъектов)? И да и нет. Субъект – это шаткий конструкт, никогда не достигающий своей подлинности, но всегда стремящийся к саморазрушению. Субъект – это всего лишь тот, кто, желая убедить себя в собственном существовании, называет себя субъектом. Мы видим, что радикальное постмодернистское переосмысление субъекта своими корнями упирается в психоанализ, который (и не только психоанализ!) Сыграл существенную роль для формирования многих постмодернистских теоретических построений, – в частности, концепции «смерти субъекта». По этому поводу можно иронично заметить: доведенный до крайности фрейдизм приводит к постмодернизму.

Постмодернистский взгляд на субъекта можно охарактеризовать как негативистский и в какой-то степени пессимистический (но сопряженный с иронией), поскольку утверждается отсутствие автономии субъекта. А.В. Зубарева, например, показав связь отчуждения с концепцией «смерти автора», представила культуру постмодерна как отчужденную реальность [18]. Субъект – «продукт соответствующего типа речевой и дискурсивной деятельности, результат того способа конституирования субъективности (субъектизации), который возможен в рамках данного типа дискурсивности» [31: 1001]. Субъект полностью зависим от принципов построения языка, от оков цивилизации, от правил и ограничений, от норм, свойственных данному типу культуры, от десубъективирующей роли идеалов потребления, которые превращают субъекта в систему знаков, и благодаря таковой зависимости он теряет свою идентификацию с самим собой. Субъекту «отказано быть активным преобразователем мира: ему следует вписываться в него, но не навязывать себя» [39:112]. Почти ту же самую культурную детерминированность утверждает А. Колесников, когда говорит о том, что сознание субъекта в постмодернизме определено пограничными социокультурными состояниями, а в герменевтике, структурализме и постструктурализме – языковыми и другими структурами бессознательного порядка [25: 10–25]. Список можно продолжить таким направлением философии, как субстанционализм, который также уничтожает человеческую автономию и самостоятельность путем постулирования «заданности» всех форм человеческой жизнедеятельности. Однако мы не станем вслед за автором совершать четкое разделение этих направлений философской мысли, равно как и собственные им виды детерминации субъекта; вместо этого мы склонны рассматривать эти направления в их единстве и синтезе, и именно данное единство подразумеваем под термином «постмодернизм».

Многие философы-постмодернисты (в первую очередь Ж. Делез), нивелируя суверенность субъекта, абсолютизируют шизофрению как главное свойство

истинной субъектности, свободной и революционной. Лоно безумного, иррационального способствует достижению субъектом относительной суверенности от норм идеологии (Ж.Делез, Р.Барт, Ю.Кристева, М. Фуко). Лишь иррациональное способно сопротивляться власти и навязанной идеологии.

Так, оспаривается автономность и суверенность субъекта из-за всесильности не только культуры и непосредственно связанных с ней дискурсивных практик (внешняя детерминация), а также бессознательного (внутренняя детерминация). Сила сознания настолько умалается, насколько абсолютизируется мощь бессознательного, мощь неосознаваемых потоков, которые, в силу своей скрытности от сознания, не принадлежат субъекту: ведь субъект – в первую очередь, существо осознающее. Ж.Лакан в своих работах использует термин «субъект бессознательного», а само бессознательное уподобляется языку [28: 152]. А.Ш. Тхостов вообще проводит определенное тождество между истинным субъектом и психоаналитическим понятием «Оно» [35: 3–13]. Психологи (А.В. Брушлинский, Б.Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн и др.) Согласны с позицией, наделяющей субъекта сознанием, поскольку они рассматривают сознание как одну из основных характеристик субъекта. Но исследователи в области психологии не приемлют такой предельной абсолютизации бессознательного, сила которого нивелирует действие сознания. Следует заметить разницу психологов и философов во взглядах на субъектность. В той же мере прослеживается значительное мировоззренческое различие между представителями феноменологического и постмодернистского подхода в психологии: первые критикуют вторых за нигилизм, редукционизм, пессимизм и скептицизм, вторые критически настроены по отношению к первым за веру в возможность точной репрезентации и описания переживаний, в существование «я» и субъектность как реальных структур [38: 180–182]. То есть, наблюдается определенная борьба идей в отношении субъекта: одни отстаивают его суверенность, в то время как другие его разрушают.

Для Ю. Кристевой субъект представлен не в целостности, а в расщепленности: сознание человека расколото изначально, а субъектность – совокупность непостоянных идентичностей. Говорящий субъект всегда расщеплен между сознанием и бессознательным, физиологией и социальностью, и поэтому не может быть сведен в единую фигуру [16]. Субъект – явление внутренне противоречивое, находящееся на грани психической деформации и патологии, и стремящееся при этом восстановить свою целостность. Он дважды детерминирован: как языковыми шаблонами правящей идеологии (если интересы человека противоречат интересам идеологии, то его сознание проявляет деструктивный иррационализм по отношению к себе), так и бессознательным (иррациональным) словотворчеством. То есть, первая детерминированность (символическая) связана с социальными ограничениями, а вторая (семиотическая) связана с действиями бессознательного, прорывающими эти ограничения. По Ж. Лакану, субъект не может быть строго репрезентирован, так как эго человека нестабильно, и оно лишено ряда неизменных характеристик. Субъект децентрирован, он не может быть целостным (индивид), а способен видоизменяться и фрагментироваться (дивид). Субъектность полностью реляционна, она исходит исключительно из практики взаимоотношений субъектов (или из практики соотношения представления о себе и других) и выявляется посредством принципа различия, оппозиции «другого» по отношению ко «мне».

Субъектность – действие означающей системы, которая существует до индивида и определяет его культурную идентичность. Значит, субъект полагается только лингвистически, его порождение и существование предопределяется и поддерживается речью, вне которой человека быть не может [21: 98]. Лакан выделяет речь и язык как социокультурные intersубъективные факторы, которые первичны по отношению к человеческой субъектности. Субъектность существует внутри непрерывного символического порядка, состоящего из слов, замещающих реальность, и Лакан ограничивает существование человека одним миром – лингвистическим, речевым, за пределами которого человека нет. Субъект имеет истории, которые, в процессе рассказывания, меняются и переопределяют структуру субъектности. Появление субъектности предшествует появлению индивида, и этот феномен определяется в ограничении рамок соответствующего типа культуры.

По Лакану, субъекта формирует язык, поэтому субъект – это атрибут культуры, которая может говорить посредством субъекта; а эго – это, в первую очередь, функция культуры, а не субъект самосознания. На первое место ставится субъектная активность, направленная на преодоление зависимости от языка. Лакан определяет субъекта через «онтологическую неполноту», так как он всегда включен в непрерывный символический порядок отчуждений и сублимаций, а значит, конституируется на пересечении различных символических форм – норм, правил и запретов [34: 62–78]. А.Брегадзе, вслед за Лаканом, пишет «о динамичности субъекта, его вечном «пребывании в пути» [4: 23], и задается вопросом о возможности увидеть наличие в субъекте неизменного феномена, который и придает форму его бытию, то есть сущности. Автор склоняется скорее к отрицательному ответу на данный вопрос. Такого же мнения придерживается Ж. Делез, превращая субъекта в произвольные неличностные и доиндивидуальные единичности – сингулярности [13:15]; делезовский субъект номадичен, противопоставлен индивидуальной фиксированности и модернистскому эссенциализму.

Учитывая концепцию Лакана, субъектностью можно наделять язык и культуру, но не самого субъекта. «Языковая структура кажется самодостаточной и вполне может существовать и без человека – носителя данной структуры» [8:19], – пишет Е.М. Воронова. И вообще, при рассмотрении всего поля детерминаций субъекта в постмодернизме, следуя принципу деконструкции, имеет смысл придать статус субъектности именно этим детерминациям, но не тому лицу, которое они определяют. Заметим, что Лакан употребляет понятия «индивид» как целостный субъект и «дивид» как фрагментированный и многоликий субъект. В психологической науке индивид и субъект не имеют тождественности несмотря на то, что в терминологическом аппарате психологии трудно проследить чистоту. Например, Б.Ананьев считал индивида совокупностью возрастно-половых и конституциональных особенностей, высшая интеграция которых представлена в темпераменте и задатках. Субъект же, по Ананьеву, – обладатель сознания как отражения объективной деятельности и осуществитель деятельности как преобразования действительности: высшая интеграция свойств субъекта представлена в творчестве [1: 270]. Здесь мы видим некоторую противоречивость во взглядах на индивида по крайней мере именно этих авторов (Лакана и Ананьева). Хотя, надо сказать, в психологии также нет четкой позиции относительно определения понятий «индивид» и «субъект» и их соотношения между собой; если один автор придает каждому из этих понятий одно значение, то другой – иное (С.Л.

Рубинштейн, к примеру, почти синонимизирует эти понятия, не проводя между ними никакой разделительной линии [26: 50–53]). Что касается расщепленности субъекта, то мнение психолога А.Славской отчасти близко постмодерновскому.

Правда, Славская декларирует не неизбежную расщепленность, а возможность достижения целостности, что создается посредством интерпретации. Она считает, что с помощью интерпретации личность способна сконструировать свой внутренний субъективный мир, который сам выступает интерпретацией своего «Я», своей тождественности и изменчивости в контексте жизненных изменений. Интерпретация связывает в единую целостность разные уровни «Я»: бессознательный и сознательный. «Интерпретируя, субъект осуществляет интеграцию внутреннего «Я», создавая не просто картину мира, а «Я-концепцию» во множестве ее проявлений, объективации в деятельности, общении, решении жизненных противоречий, устанавливая прямую и обратную связь между ними». Таким образом, субъект может репрезентировать свою позицию – жизненную и мировоззренческую, что ведет к достижению им определенности и возможности выражения этой определенности в жизненных проявлениях. Под интерпретацией А.М. Славская понимает способность сознания личности выявлять и определять ее новое положение в изменяющихся обстоятельствах. Интерпретация сохраняет определенность субъектной позиции в условиях изменяющегося мира, и в то же время не только сохраняет старое, но и выявляет новое положение. Личность обладает определенностью, но она должна заново искать эту идентичность из-за изменения внешних условий и самой себя. Славская придает интерпретации настолько серьезное значение, что вводит новое понятие – субъект интерпретации.

По ее мнению, субъект интерпретации – это автор своей концепции, объективирующий ее в разных жизненных контекстах (в науке, искусстве, жизни в целом), исследователь, ищущий новое в окружающем мире, личность, понимающая и объясняющая все новое, перед которым ее ставит жизнь. Итак, Славская принимает наличие определенности (целостности) субъекта, но также она принимает факт о его расщепленности в моменты происходящих изменений. Таким образом, ее позиция в какой-то степени близка к постмодерновской (Кристева, Лакан), но носит значительно менее радикальный характер. И.П. Ильин также говорит о важности интерпретации, обращаясь к постмодерновскому контексту свободы субъекта. Собственно, эта свобода сводится к свободе интерпретации, наделяющей индивида возможностью создавать новые смыслы [29: 137]. Можно сказать, что мнения Славской и Ильина очень близки: различие их сохраняется постольку, поскольку оба автора в своем анализе исходят из различных отраслей научного знания. Однако само понятие интерпретации в постмодернизме получило свое значение. Интерпретация – это возможность на основе одного текста создавать другой. Читатель, читая, воспринимает то, что написал автор, не за чистую монету. Читатель перетрансформирует в своем восприятии и мышлении оригинальный текст так, что тот – в результате деконструкции – перестает быть тождественным самому себе и становится текстом не автора, а уже читателя. Собственно, читатель становится его автором. Мы постоянно интерпретируем и не интерпретировать не можем, равно как не можем не думать. В каждое увиденное и услышанное сообщение мы добавляем некий свой смысл. Каждый текст – это интерпретация предыдущего, а предыдущий – существовавшего до него. И так происходит бесконечная цепь следов, отсылок и цитат. Пожалуй, интерпретация – это

единственное, чем занимается человек в коммуникационном процессе ... и не только в коммуникационном. Следовательно, понятия субъекта и автора вытесняются понятием интерпретатора. Все философы – представители постмодернизма (Делез, Лакан, Кристева и т.д.) говорят о мнимости субъекта, о его несостоятельности как такового, о его децентрации. Конечно, их взгляды в некоторых аспектах различны, но зачастую они дополняют друг друга, а не противоречат один другому.

Однако К.Штекль пытается уберечь постмодернистскую философию от обвинений в негативизме по отношению к субъекту, считая, что она не только производит деконструкцию субъекта, но идет еще дальше, наполняя смыслом пустое место деконструированного субъекта; на его место приходит полнота «человек-субъект и сообщество», и эту связку нельзя разорвать, оторвать оба элемента один от другого – ни одному из них нельзя получить статус исходного пункта, сущности «в себе» (субъект находится в единственном множественном числе, не растворяясь в сообществе) [45: 34–46]. К. Штекль, выражая подобные мысли, все-таки несколько отходит от характеристик искомого постмодернизма, который действительно практически не давал субъекту никакого права на существование. Ее взгляды более похожи на классические социально-психологические теории, утверждающие развивающий потенциал социализации для субъекта, который не может развиваться вне сообщества, и он идентифицирует себя с последним по принципу «Мы». Вся постструктуралистская мысль доказывает невозможность независимого индивидуального сознания, вместо которого субъект бессознательно обуславливается в процессе своего мышления языковыми структурами, детерминирующими его мышление [20: 250]. И когда субъект осознает свою зависимость, он встает на путь относительной автономности, то есть осознание отсутствия свободы ведет к ее потенциальному появлению. И так происходит постоянная борьба с самой собой, посредством которой субъект, рефлексировав, преодолевает самого себя. По нашему мнению, одного только этого осознания не достаточно. Автономность субъекта достигается выработкой собственного мировоззрения и жизненной позиции, которая позволит ему сказать «Я сам».

Раскрывая постмодернистскую теорию субъектной зависимости, целесообразно обратиться к взглядам Мишеля Фуко, – французского мыслителя, вклад которого в анализ интересующей нас темы огромен. Фуко рассматривал субъекта преимущественно в контексте сексуальности, власти и знания. Воля к знанию, по Фуко, порабощает субъекта, лишает его свободы. Это связано с тем, что воля к знанию, являясь завуалированной формой воли к власти, неспособна постичь абсолютную истину. Любое знание основано на несправедливости, согласно которой ни у кого из познающих субъектов нет права на обоснование универсальной истины, а инстинкт к знанию зачастую может быть губительным для человеческого счастья [20: 70]. Здесь, судя по всему, речь идет именно о познающем субъекте.

Специфика понимания власти у Фуко заключена во власти «научных дискурсов» над сознанием человека. Научное знание, истинность которого сомнительна, навязывается сознанию человека как «неоспоримый авторитет», заставляющий мыслить заранее готовыми понятиями и шаблонами. Субъект формируется благодаря власти как полностью подчиненное ей образование. Власть, по Фуко, одновременно видимая и невидимая, скрытая и присутствующая.

В ранний период своего творчества Фуко представлял индивидуального субъекта просто как пересечение дискурсов, как пустую сущность. Под дискурсом

понимается «совокупность речевых практик, отражающих специфику сознания, обусловленного преобладающим типом рациональности» [39: 223]: дискурс обусловлен социокультурной спецификой речи, характерной для определенной эпохи. В более поздний период Фуко утверждал конституированность субъекта властными отношениями, а не просто лингвистической детерминированностью, о значении которой он говорил ранее. Власть создает субъектов с целью управления ими. В любом случае субъект – всегда «сделанный», а не суверенный.

Основная задача Фуко – это исторический анализ модусов, благодаря которым человек становится субъектом. Философ выделяет три вида таких модусов [40: 270]: 1) модус, придающий себе статус наук (объективация субъекта говорящего в филологии и лингвистике; объективация субъекта производящего); 2) модус «разделяющих практик» (разделенности субъекта внутри себя или отделенность его от других, что объективизирует его, и примерами этого разделения/отделения могут послужить нормальные и безумные, здоровые и больные, законопослушные и преступники); 3) модус самопревращения человека в субъект (эта самотрансформация происходит в контексте сексуальности, где актуален вопрос «каким образом человек приходит к признанию себя субъектом сексуальности?»). Здесь мы можем обозначить параллель с современной массовой культурой, через некоторые формы которой (биографии, мемуары, интервью) субъект признается в интимных подробностях своей жизни.

Одна из центральных категорий для Фуко, выступающая орудием власти, является признание (или исповедь). Признание необходимо власти для того, чтобы человек (преступник, подозреваемый или вообще любой гражданин) как субъект признания чувствовал за собой вину (реальную или квазиреальную) и тем самым склонял голову перед властью, отдавая себя в ее руки. Постоянные нарушения порядка необходимы власти, так как тогда последняя доказывает свою значимость путем конституирования субъекта порядка. Признанием называется речевое действие, способное менять делающего заявление человека, а также отношение к нему со стороны власти и общества [30: 59]. Складывается впечатление, что по Фуко настоящим субъектом является тот, кто противостоит власти (или тот, кому власть противопоставляет себя). Но возникает вопрос: какой именно власти? Появление этого вопроса вызвано тем, что Фуко наделял властью не какую-нибудь одну (господствующую) инстанцию, а абсолютно все элементы общественного устройства, которое, в свою очередь, представляет собой поле борьбы разнообразных властей. И у каждой из них своя идеология, свой вектор направленности. Поэтому все-таки мы не можем сказать, что субъект – это тот, кто противопоставляет себя власти, так как власти – в понимании этого термина М. Фуко – никто себя противопоставлять не может; власть исходит отовсюду и находится везде. Фуко рассматривает субъекта не как изначальную данность; «Его [субъекта] действия в мире и те смыслы, которые он вносит в этот мир, обусловлены системой социальных детерминаций» [33: 5 – 20]. То есть, субъект не существует в виде ничем необусловленного явления, а создается социальными нормами, науками, властью и т.д., культурой в целом. Это представление о субъекте близко выделенной нами предикативной форме понимания субъекта [22: 145–147; 32].

В своих работах [41: 139; 43] Фуко пишет о христианской исповеди, которую называет одним из механизмов власти, с помощью которого узнавались не только

«греховные» деяния человека, но и его помыслы. Рядом с категорией исповеди философ ставит и сеансы психоанализа, которые преследовали те же самые цели.

Г.Почепцов вообще институт исповеди называет первым вариантом психоанализа [32]. Дискурс о «греховных помыслах», по мнению Фуко, сформировал представление о сексуальности и послужил развитию интроспекции как способности субъекта наблюдать содержание своего сознания. Появление самоконтроля и самосознания, в свою очередь, повлекло за собой развитие субъектности и «Я-концепции» человека. Таким образом, исповедь как средство власти породило субъектность, в чем заключается позитивный аспект власти.

«Для Фуко с течением времени стало все более очевидным, что чрезмерный акцент на сверхдетерминированности человека и его сознания фактически снимает и сам вопрос о человеке» [20: 76]. Естественно, если исследователь, изучая какой-либо научный факт, приходит к мнению о его отсутствии, сама проблема его изучения закономерным образом исчезает. Мишеля Фуко как и многих других представителей постструктурализма и постмодернизма, изучающих понятие субъекта, интересовал вопрос о безумии, о инаковости. Именно через разрешение этого вопроса они подошли к постулированию содержания категории субъекта.

По Фуко, грань между нормальным и сумасшедшим исторически подвижна, и иногда в безумии можно увидеть истину, неподвластную разуму. В некоторых работах [42: 321]. Фуко отлично демонстрирует нам динамику взглядов на безумие, изменение общественных представлений о безумце и преступнике, трансформацию отношений общественности к деклассированным элементам, проходящую под влиянием хода истории; благодаря этой динамике наблюдается подвижность рамок, заключающих внутри себя норму, а также подвижность границы, разделяющей нормальное и безумное. Причины возникновения патологии психического, по мнению Фуко, кроются в исторически сложившемся отношении к человеку безумия и человеку истины, и на каждом историческом этапе это отношение свое, отличное от предыдущего. Фуко несколько романтизирует безумие, связывая его со свободой субъекта. Для него свобода – это отсутствие рациональности и сознательности, это нечто непознаваемое, то есть само безумие, которое он именует «предельной, чистой субъективностью», однако, не позволяющей человеку приобщиться к миру [42]. Как мы понимаем, Фуко придает аморальное и асоциальное значение проявлению полной субъектности, из чего следует предположение: чем более социализирован человек, тем менее способен он к истинно субъектному проявлению, тем менее он безумен, а безумие выражает истину человека. Субъект предстает в понимании Фуко также в виде автора, в отношении которого философ выступил с решительной критикой в статье «Что такое автор». Фуко разделяет понятия «имя собственное» и «автор» на следующих примерах: частное письмо имеет подписавшего (имя собственное), но у него нет автора, равно как у контракта есть поручитель, но также нет автора [44: 21]. То есть, одни дискурсы наделены функцией «автор», а другие – нет. С помощью этой функции появляется возможность классифицировать тексты (их группировка и разграничение, определение их гомогенности и преемственности), их присваивать (переводить в форму собственности). Также автор как таковой выступает в роли некоторого авторитета, индикатора обоснованности какой-либо написанной теории, или просто он обеспечивает наделение теории именем. Как писал Ж. Деррида, одно только письмо, именуя автора, может наделить его существованием [15: 320].

Фуко вводит понятие «основатель дискурсивности», которое выражает некую абсолютизацию автора, его причастность не только к написанию своих собственных творений, но ко всей дискурсивности в целом. Под дискурсивностью понимается «возможность и правило образования других текстов» [44:30]. Автор ничем не примечательного романа, текста, в котором нет принципиальных различий от других текстов, едва ли является автором даже только этого произведения, а основатель дискурсивности – автор самого стиля, в котором написано его собственное произведение и множество произведений, созданных позднее кем-то другим. К таким личностям Фуко относит Фрейда и Маркса, которые «открыли пространство для чего-то, отличного от себя и, тем не менее, принадлежащего тому, что они основали», которые создали принципиально новые возможности интерпретации [43]. Основатели дискурсивности – это сверхсубъекты, это производители революции в какой-то сфере (в искусстве, науке, философии). Они создали возможность формулировки своих законов и правил, но и создали возможность теорий, отличных от тех, которые они установили (Фрейд, например, не просто создал психоанализ, но и дал толчок другим направлениям психотерапии, основанным на его подходе, но во многом противоречащим первоначальному (фрейдовским) психоаналитическим положениям) [9:105–129; 29:130–141]. Из всего сказанного следует вывод о том, что функцию автора нужно рассматривать не только на уровне книги или нескольких книг, обозначенных одной фамилией, но и на более масштабном уровне больших групп разных текстов или целых дисциплин, существование которых обусловлено широким полем интерпретаций текста отца-основателя, на которое все они ориентируются и опираются. Поэтому все, что сказано фрейдистами после смерти самого Фрейда, можно отчасти заверять его собственной подписью. И не может быть одного-единственного правильного комментария текста основателя дискурсивности, так как его дискурс в прочтении последователей можно представить в виде волн, расходящихся в разные стороны от брошенного в воду камня. И каждый последователь или каждая школа последователей, «ловят», «подхватывают» какую-то одну волну, но не объемлют их все. Из-за этого и возникают вечные споры между постмарксистами или между постфрейдистами, когда они обвиняют друг друга в некомпетентности и в неправильном толковании ортодоксального учения.

Пожалуй, понимание субъекта (автора) в трудах французского мыслителя можно несколько метафорически охарактеризовать словами Беккета, позаимствованными Фуко и использованными им в «Что такое автор»: «Какая разница, кто говорит, – сказал кто-то, – какая разница, кто говорит».

И теперь, когда мы добавили к первоначальной оппозиции [3:155] еще один дискурс, обозначающий современные философские концепции субъектности, эти оппозиции приняли характер уже не бинаризма (то есть собственно оппозиций в прямом смысле слова), а тринитарности. Итак, мы прослеживаем резкие отличия между интересующими нас точками зрения, между разными взглядами – современным философско-постмодернистским и традиционным, – устремленным на одну категорию, которую они видят совершенно по-разному. Эта категория – субъект, с присущими ей особенностями: творчество, мышление, сознание, самодетерминация, мировоззренческая целостность. И данные особенности, принадлежащие субъектам двух различных дискурсов (модерн и постмодерн), вступают в борьбу (автономность и детерминация, сознание и неосознанность и

т.п.). Таким же образом не могут найти компромисса исследователи, одни из которых утверждают целостность субъекта, а другие – его расщепленность. Иными словами, перед нами предстают два субъекта, кардинальным образом отличающихся друг от друга – модернистский и постмодернистский. Однако оба субъекта представляются нам всего лишь в форме предельно теоретизированных категорий, не находящим места в наличном бытии. Они существуют в идеальном мире в виде умозрительных построений, и их существование можно сравнить с существованием, скажем, идеального круга, наличие которого допускается в геометрической теории, но в реальном положении вещей его нет. Предельная круглость, четкая параллельность прямых линий, идеальная субъектность допустимы только внутри нашего разума, но не более того. Характеристики модернистского субъекта (целостность, самодетерминированность, осознанность) не могут быть выделены в реальном мире, а значит, и сам этот субъект не имеет онтологической данности. Наличию целостности противоречит факт того, что человек в процессе своей жизни меняет свои взгляды на бытие, трансформирует свое мировоззрение, меняет свою идеологическую позицию; если бы человек действительно являлся целостным, он был бы носителем одной мировоззренческой позиции, которая была бы неподвластна изменениям. Или, возможно, она вообще бы не родилась, так как ребенок на ранних стадиях социализации должен демонстрировать свою расщепленность, чтобы подобно губке впитывать социализирующие воздействия, на основе которых он позже сформирует свое мировоззрение. А если он не интериоризировал смысл данных воздействий, то не смог определиться в своей субъектной позиции. Самодетерминированность же, как и автономность, предполагает независимость, но вряд ли можно встретить человека, независимого от общественных норм и правил, законодательства, наконец – от других людей и их мнений о нем. Также ни один человек быть не может в полной мере себя детерминировать, поскольку в какой-то степени все мы зависим от «случая», от начальства на работе, от прихотей и запросов близких нам людей. А что касается осознанности, то еще Фрейд четко продемонстрировал огромную роль бессознательного; мы не можем полностью осознавать нашу жизнь и каждый поступок вплоть до самых мелочей, и какая-то часть (довольно большая) нашей жизнедеятельности подвержена бессознательному контролю.

Таким образом, мы приходим к обоснованию невозможности полного существования модернистского субъекта внутри реального мира. И в то же время постмодерновский субъект, выступающий как антипроявление модернистского, не обладает абсолютными правами на существование в наличном бытии. Нет в человеческом мире существ, абсолютно зависимых от чего-то внешнего, равно как имеется полной зависимости и от внутреннего – бессознательных интенций. Да и расщепленность как оппозиция целостности доведена постмодернистами до предела: полностью расщепленный человек – это шизофреник, да и то не всегда.

По поводу постмодернистского понимания субъекта уместно пошутить следующим образом. Фуко, Барт и др. провозглашают «смерть субъекта», но сами при этом остаются субъективными инстанциями, из которых исходит это провозглашение. То есть, они считают себя вольными создавать философские идеи, убеждать в них кого-то на научных конференциях, переносить их на бумагу и даже получать гонорары за выпущенные книги. Получается, я как субъект убеждаю вас в том, что субъекта нет. Выделенные характеристики модернистского субъекта – суть

антипроявления характеристик постмодернистского субъекта. А значит, перед нами раскрываются дефиниции, представленные в виде полярных понятий.

Модернистский субъект: целостность; самодетерминированность (интернализм); осознанность (Я). **Постмодернистский субъект:** расщепленность; тотальная предзаданность (экстернализм); бессознательность (Оно).

И поскольку эти связки можно разбить на две части – левую и правую, – пусть левой будет принадлежать модернистский субъект, а правой – постмодернистский. И обе части, обе половины, представляются нам как крайности, смысл каждой из которых доведен до предела, гипертрофирован. Модернистский субъект (абсолютизированный) – Постмодернистский субъект (релятивизированный).

Для того, чтобы конституировать субъекта, принадлежащего наличному бытию – подлинного субъекта, – необходимо занять срединную позицию между этими крайностями, где характеристики субъектности будут не абсолютизироваться, с одной стороны, или, наоборот, элиминироваться, с другой, а восприниматься наличествующими до разумного предела. Эта попытка напоминает после постмодернизма тенденцию «воскрешения субъекта». То есть, субъект будет теперь локализован где-то посередине между двумя абсолютистскими иллюзиями самого себя. Конечно, нам не удастся полностью снять борьбу между целостностью и фрагментарностью, самодетерминированностью и тотальной предзаданностью, осознанностью и бессознательностью, но, наоборот, мы обозначили реальность этой борьбы, этого противостояния внутри настоящей субъектности, в то время как ни модернистский субъект, ни его постмодернистский оппонент практически не признавали этой борьбы. Концепция «смерти субъекта» декларирует исчезновение именно модернистского понимания субъекта, абсолютизированного в предшествующей философской традиции как минимум трех столетий. Но она ограничивается только его элиминацией, не утруждая себя заполнением опустевшего места. Мы в настоящем исследовании не останавливаемся на постулате субъектного умирания, возрождение субъекта тоже не входит в наши планы.

Эпоха модерна и постмодерна, равно как и предшествующие им периоды, по своему организовывали пространство субъектности, создавая определенных «исторических» субъектов. Субъект модерна долгое время считался единственным из возможных. Именно он вошел в частно-научные парадигмы, но нужен был бунт постмодерна, чтобы сделать видимыми иные исторические типы, а также саму шкалу субъектности. Ни одна из этих культур – модерн или постмодерн – не может удовлетворить антропологическим требованиям, вытекающим из модели человека. Поэтому поиск промежуточной модели, адекватной сущности субъекта – задача, которую необходимо осознать и создать средствами иной культуры, чем модерн или постмодерн. Дальнейшие исследования должны базироваться на использовании не модернистского или постмодернистского субъекта, а установленного оптимального сочетания субъектных качеств. С этого самого момента мы обращаемся к термину «субъектность», которую следует представлять в виде некоей градации, шкалы, простирающейся от модернистской точки зрения до постмодернистской и вбирающей в себя различные культурные зоны субъекта. Именно тот зазор, который находится между ними, является выражением существующей субъектности, где фокус ее восприятия определен оптимальным образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб., 2001. – 272 с.
2. Анти-Эдип Ф. Капитализм и шизофрения / Ф.Анти-Эдип. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 185–186.
3. Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: Дис. ... канд. психол. наук / Н.В.Богданович. – М., 2004. – 170 с.
4. Брегадзе А. Проблема сущности личности. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира / А.Брегадзе // Сборник философских статей. – Вып. I. – СПб.: Изд-во «Петрополис», 2001. – С. 23.
5. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел / А.В.Бузгалин // Вопросы философии. – № 2. – 2004. – С. 3–15.
6. Воробьева Л. Феномен авторства в научной психологии / Л.И.Воробьева // Вопросы психологии, 1991. – № 5. – С. 131–135.
7. Воробьева Л. Субъект и / или автор // Вопросы психологии. – 2004. № 2. – С. 155.
8. Воронова Е.М. Понимание принципов телесности Р.Бартом и А.Лосевым / Е.М. Воронова // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве. Материалы науч. конф. 10 октября 2001 г. Серия «Симпозиум». – Вып. 16. – СПб., 2001. – С. 19.
9. Грюнбаум А. Критика психоанализа / А.Грюнбаум // Вопросы философии 2007. – № 3. – С. 105–129.
10. Гусельцева М. Культурно-историческая психология и вызовы постмодернизма / М. Гусельцева // Вопросы психологии. – 2002. – № 3. – С. 130.
11. Данько С.В. Парадоксальность субъективной парадигмы в теории познания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / С.В.Данько. – М., 2003. – 20 с.
12. Декомб В. Тожественное и иное / В.Декомб // Современная французская философия. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. – 344 с.
13. Делез Ж. Логика смысла / Ж.Делез // М.Фуко. Theatrum philisopicum. – М.: «Раритет»; Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 13–437.
14. Денисов С. Библейские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды: учеб. пособие [Текст] / С.Ф. Денисов. – Омск, 2004. – 216 с.
15. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж.Деррида. – М., 2000. – 432 с.
16. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. Учеб. пос. – СПб., 2007. – 312 с.
17. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема / В.Знаков // Психологический журнал. – 2005. Т. 26. – № 1. – С. 18–28.
18. Зубарева А.В. Специфика художественного творчества в культуре постмодернизма: игровой принцип: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. / А.В.Зубарева. – Ростов-на-Дону, 2007. – 20 с.
19. Ильин А.Н. Антропология субъекта / А.Н.Ильин // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin/>
20. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
21. Ильин И.П. Постмодернизм – от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 258 с.
22. Ильин А.Н., Барханов П.В. Формы понимания категории «субъект» в гуманитарных исслед-ях / А.Н.Ильин, П.В.Барханов // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»: сб. науч. тр. Вып. 11. – Омск., 2008. – С. 145–147.

23. Ильин А.Н. Антропология субъекта // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – Философия. Политология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin/>
24. Колесников А.С. Проблема субъективности в постструктурализме/ Колесников // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2000. – С. 79–106.
25. Колесников А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб. : Санкт-Петербургское Философское общество, 2000. – С. 10–25.
26. Корнеева М.П. Бытие в «понятиях» / М.П.Корнеева // Гуманитарные исследования: Ежегодник. – Вып. 12. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – С. 50–53.
27. Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии, 2007. – № 2. – С. 66–79.
28. Лакан Ж. Телевидение / Ж. Лакан. – М.: «Гнозис»; 2000. – 160 с.
29. Лейбин В.М. Психоаналитическая эвристика и терапия: проблемы и противоречия / В.М. Лейбин // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 130–141.
30. Марков Б.В. Исповедь и признание / Б.В. Марков // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков.–СПб., 1997.–С. 59.
31. Можейко М.А. Эффект-субъект / М.А.Можейко, 2001. – С. 1001.
32. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением / Г.Г.Почепцов. – М.: Центр, 2004. – 336 с.
33. Сокулер З. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени / З. Сокулер // Фуко. История безумия в классическую эпоху. –СПб., 1997.–С. 5–20.
34. Ставцев С.Н. Язык и позиция субъекта: Лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности / С.Н.Ставцев // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб., 2000. – С. 62–78.
35. Тхостов А.Ш. Топология субъекта / А.Ш. Тхостов // Вестник Московского Унив.-та. – Сер. 14. Психология. –1994. – № 2. – С. 3–13.
36. Уваров М.С. «Смерть смерти»: постмодернистический проект / М.С. Уваров // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. Материалы междунар. конференции. – СПб., 1997. – С. 21–27.
37. Уилбер К. Краткая история всего / К.М.Уилберю – М.: АСТ, 2006. – С. 105.
38. Улановский А.М. Новые рубежи феноменологии: за пределами постмодернизма в эмпирических исследованиях // Вопросы психологии. 2007. – № 5.–С. 180–182.
39. Усовская Э.А. Постмодернизм /Э.А.Усовская. – Минск, 2006. – 230 с.
40. Фуко М. Использование удовольствий // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М.Фуко. – М.: Касталь, 1996. – С. 269–307.
41. Фуко М. Пылающий разум // М.Фуко. – М.2006. – С. 137–382.
42. Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ М.Фуко. – СПб., 1997. – 576 с.
43. Фуко М. Надзирать и наказывать / М.Фуко. – М., 1999. – 480 с.
44. Фуко М. Что такое автор // М.Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., Касталь, 1996. – С. 30.
45. Штекль К. Сообщество после субъекта. Православная интеллектуальная традиция и философский дискурс политического модерна / К.Штекль// Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 34–46.

*Рекомендовано до друку науковим керівником
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською
Стаття надійшла до редакції 17.06.2016*